

УДК 94 (47+57) «1700»

А.В. Перегудов¹

История конфликта русских солдат и иноземных матросов в Воронежском крае в 1700 г.

Кораблестроение; Воронежский край; адмиралтеец; воевода; иноземцы; служилые люди; каторга.

В данной статье, основанной на ярком сюжете, имевшем место в 1700 г., показана одна из «закулисных», бытовых сторон воронежского кораблестроения, то, что обычно оставалось за рамками исследований историков, занимающихся вопросами строительства военно-морского флота на рубеже XVII–XVIII вв. в Воронежском крае. Однако не учитывать влияние социального статуса людей, задействованных в кораблестроении, – их происхождение, прежнее место жительства, до того, как они подверглись рекрутированию на корабельные верфи, их материальное положение – на ход и организацию работ, недооценивать вопросы их взаимоотношений между собой, является неправильным, т.к. все это в совокупности – т.н. «человеческий фактор» – способствовало решению общей задачи, стоящей перед ними, или же наоборот, затрудняло ее выполнение.

В компетенцию главного органа управления воронежским кораблестроением – Государева разрядного шатра (1697–1700 гг.), в начале XVIII в. ему на смену пришел Адмиралтейский приказ – помимо первоочередной задачи, связанной с сооружением военно-морского флота, входил также разбор по многочисленным жалобам, поступав-

¹ Перегудов Александр Викторович, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., history.vsu@yandex.ru.

шим от задействованных в кораблестроительных работах людей. На примере одной такой жалобы-челобитной мы рассмотрим связанный с судебной юрисдикцией механизм работы морской канцелярии, начиная с момента поступления жалобы, розыска и допроса преступников, и заканчивая выносом приговора и назначением наказания.

Весной 1700 г. от коротоякского воеводы Дмитрия Воейкова на Адмиралтейский двор в Воронеж поступила челобитная, в которой местный администратор информировал адмиралтейца² о том, что 10 марта 1700 г. перед воеводской канцелярией – приказной избой – к нему в Коротояк привезли тело мертвого солдата Петра Кзымова, служившего в полку стольника и полковника Саввы Васильевича Августова, его же сослуживцы, сказав при этом, что убийство произошло накануне, 9 марта, и обвиняли в произошедшем матросов и толмача (устный переводчик иностранной речи). «По осмотру» тела убиенного солдата было обнаружено, что «у него голова проломлена и изрублена, лицо избито». Коротоякский воевода выдал солдату Кириллу Васильеву подводы, на которых тело Кзымова было отправлено «к великому государю на Воронеж». Челобитная Д. Воейкова заканчивалась, как это часто бывало при обращении местных администраторов в вышестоящие инстанции, вопросом: «И без твоего, великого государя, указу тех вышечисанных людей, толмача и матросов, принять не смею, и о том что ты, великий князь <...> Петр Алексеевич <...> мне, холопу своему, укажешь?»³

12 марта адмиралтеец Ф.М. Апраксин, выслушав поданную солдатом Белгородского полка на Адмиралтейском дворе отписку коротоякского воеводы, приказал «то мертвое тело осмотреть и записать, а толмача Ивашку Тимофеева и матросов Питера и Виллима с Коротояка взять на Воронеж на Адмиралтейский двор и в том убийстве допросить порознь, и послать по ним нарочного посыльщика по нака-

² В конце 1699 г. адмиралтеец А.П. Протасьев из-за злоупотреблений был отстранен Петром I от занимаемой должности, и заменен на родственника царя – Ф.М. Апраксина. Однако это было сделано настолько стремительно и неожиданно для окружающих, что многие пребывали в неведении. Этим, в частности, можно объяснить то обстоятельство, что коротоякский воевода Д. Воейков адресует свою челобитную Протасьеву, а не Апраксину, который в марте 1700 г. как уже месяц занимал должность адмиралтейца. И даже дьяк Адмиралтейского приказа Никита Полуниин, составивший память денщику-солдату, пишет по привычке: «...а приехав, тех людей объявить на Адмиралтейском дворе адмиралтейцу *Алекса* (курсив мой – *А.П.*) – зачеркнуто на полуслове и далее исправлено – Федору Матвеевичу Апраксину с товарищи». См.: ГАВО-3. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 5.

³ ГАВО-3. Ф. И-171. Приказ Адмиралтейских дел. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–12.

зу, а воеводе отослать великого государя указ».

В соответствии с распоряжением Ф.М. Апраксина, в этот же день тело убитого солдата Кзымова, привезенное на Адмиралтейский двор, было осмотрено. Были обнаружены и зафиксированы те же увечья, что и во время осмотра перед коротоякской приказной избой. В дальнейшем приказывалось «то мертвое тело <...> похоронить у церкви божией», о чем было сделано соответствующее распоряжение дьякону Соборной Благовещенской церкви Филимону и дьяку Захарию Вахтину.

Получив с воронежского Адмиралтейского двора указ от имени великого государя за приписью дьяка Н. Полунина, коротоякский воевода обязан был взять толмача и матросов, а также свидетелей, «на кого они укажут, которые с ними убили», и прислать их «на Воронеж за крепким караулом и с нарочным посыльным». В качестве нарочного посыльного в коротоякскую приказную избу забирать предполагаемых преступников отправился денщик-солдат Самойла Буханов. А предстояло ему «взять на Воронеж» пятерых обвиняемых: упоминавшихся выше толмача, двух матросов, а также двух свидетелей – Карпа Матвеева и Бориса Блума. Для препровождения колодников на воронежский Адмиралтейский двор в помощь С. Буханову воевода Д. Воейков в качестве провожатых предоставил коротоякцев Устина Нестерова «с товарищи».

Обвиняемые были доставлены в Воронеж 14 марта, т.е. через два дня после объявления челобитной адмиралтейцу Ф.М. Апраксину, и в тот же день подверглись допросу по факту убийства солдата Петра Кзымова, причем допрашиваемы были порознь.

Толмач И. Тимофеев рассказывал, что был послан вместе со своими товарищами – Борисом Блумом, Карпом Матвеевым, Виллимом Ортом и Питером Стеном – из Воронежа в Коротояк к кораблю в кумпанство боярина князя Я.Ф. Долгорукого «для матрозного дела». По словам толмача, 5 марта 1700 г. он и его «компания», в составе которой, помимо вышеупомянутых лиц, был боцман Христиан Вильямс, пребывали в Панской слободе в Коротояке в гостях у черкашенина (черкасами называли выходцев из Малороссии) Федора Белоусова. Помимо Ф. Белоусова и его гостей-иноземцев на том дворе стояли четверо солдат. Как утверждает Тимофеев, «один из них из той избы стал их выбивать и бранить». Б. Блум хотел было того солдата бить, но тот, покинув вовремя избу и избежав, тем самым, неминуемой расправы, взял в свою очередь бердыш, «похваляясь им рубить». Помимо мужчин, на дворе в тот момент находились женщины: супруга

Ф. Белоусова Марица, а также две «жонки», пришедшие на постоянный двор для получения платы «за мытье рубах», на глазах которых разворачивались указанные события.

После произошедшего эпизода толмач Тимофеев и боцман Вильямс подали жалобу-челобитную на солдата-дебошира полковому капитану Кириллу Букову, который не замедлил учинить провинившемуся солдату наказание в виде битья батогами.

Однако, как выяснилось в дальнейшем, эпизод был далеко не исчерпан. Спустя несколько дней, 9 марта, когда Тимофеев и Вильямс были в гостях у своих друзей Блума, Матвеева и Орта, стоявших на постоялом дворе коротоякского посадского человека (по причине того, что тот съехал на Дон, имени его они назвать не могут), – в дальнейшем к компании друзей-иноземцев присоединился черкашенин Дмитрий Иванов, – к воротам их постоялого двора приходил некий пьяный солдат, но «не тот, с которым у них была ссора». Да и вовсе необязательно, как думается автору этих строк, было тому солдату приходиться лично: за обиду, нанесенную ему, могли мстить его сослуживцы. Пьяный солдат спрашивал у собравшихся на постоялом дворе друзей вина, на что получил ответ от Б. Блума, вышедшего на улицу, что вина у них нет. С обиды солдат «бросил в него мерзляком и от него побежал». Матрос Блум, по всей вероятности, самый сильный или агрессивно настроенный (вспомним, что именно он порывался несколькими днями ранее проучить дерзкого солдата), выбежал за ним за ворота, но догнать не смог. Видимо, появление пьяного солдата на постоялом дворе иноземцев не было случайностью: солдаты провоцировали иноземцев на ответные действия, которые неминуемо должны были привести к конфликту. И конфликт не замедлили себя ждать, об этом свидетельствуют следовавшие далее события. «В тот же час» к их избе на постоялом дворе пришли уже иных двое солдат, «бранившие их матерно и называвшие босурманы». Для обуздания служилых людей на улице выбежали, вооруженные палками, Блум и Матвеев. Казалось бы, равный бой. Однако солдаты избрали иную тактику: сознательно уклоняясь от столкновения, они заманивания врага на свою территорию. В очередной раз они ударились в бега. Вряд ли случайно, но так получилось, что прибежали они не абы куда, а к своей караульной избе. Увлеченные погоней, матросы-иноземцы, не заметили, как оказались рядом с логовом врага, и из караульной избы вышло «человек с двадцать солдат», которые тут же начали с ними драться. Вряд ли это можно назвать дракой, скорее избиением.

А в это время ничего не подозревавшие товарищи иноземцев

продолжали находиться на постоялом дворе. Они узнали о произошедшем только тогда, увидев это собственными глазами, когда в избу вернулись избитые Блум и Матвеев. Желая отомстить за себя и своих друзей, иноземцы вооружились – Тимофеев, Блум и Стен взяли палки, а Матвеев и Орт сабли – и «пошли к тем солдатам на улицу». По всей вероятности, оружие произвело должное впечатление, и в результате драки «солдаты от них побежали». Но другим следствием применения оружия, помимо устрашения и самообороны, стало убийство: «а на том месте остался солдат битой лежит на земле в крови». По утверждению толмача Тимофеева, он лично ударил палкой в грудь лежащего на земле и истекающего кровью солдата, «чаял, что он прикинулся». Спустя полчаса за солдатом приехал капитан К. Буков с другими солдатами и «свезли его с постоялого двора на свой двор».

Помимо толмача И. Тимофеева, допросу подверглись Б. Блум и К. Матвеев. В своих расспросных речах они отрицали вину в развязывании конфликта с солдатами, а также в убийстве П. Кзымова.

Развязка наступила 10 мая 1700 г., когда по указу великого государя <...> Петра Алексеевича адмиралтеец Ф.М. Апраксин вынес приговор иноземцам-матросам Б. Блуму, И. Тимофееву и черкашенину Д. Иванову «за их воровство, что они, будучи на Коротояке, убили Белгородского полку солдата Петра Кзымова до смерти, а черкашенин Иванов сказал тем матросам, будто солдаты хотят их резать, и у них учинилась драка, учинить им жестокое наказание: бить кнутом нещадно, и солдат и матросов в Азов на каторгу на год, а черкашенина Иванова освободить на поруки»⁴.

Однако матросу И. Тимофееву, бывшему по совместительству еще и переводчиком, удалось избежать суровой участи. То ли фортуна улыбнулась, то ли кто похлопотал, но азовская каторга его минула. 24 мая к адмиралтейцу обратился иноземец, «пушечный мастер», Томас Снелин, пожаловавшийся на отсутствие у него толмача: «По указу великого государя <...> велено мне лить пушки, а толмача никакого нет и у дела мне без толмача нельзя». Свою челобитную Т. Снелин заканчивал просьбой предоставить ему толмача, и адмиралтеец Ф.М. Апраксин, «слушав сию челобитную, приказал для толмачества на Романовские железные заводы дать ему Ивашку Тимофеева с роспискою», что как только пушечного мастера попросят «поставить Тимофеева на Адмиралтейский двор, сразу же поставить». В противном случае – пеня⁵. Таким образом, от иноземцев на каторгу в Азов был

⁴ Там же. Д. 12. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 19, 19 об., 19-а.

отправлен лишь Борис Блум, проходивший по «убийственному делу» первоначально как свидетель.

Скопление большого количества людей – крестьян, посадских, солдат, иноземцев и пр. категорий – на территории Воронежского края в конце XVII – начале XVIII вв., привлеченных для нужд кораблестроения, неизбежно приводило к возникновению конфликтов между ними. Нередкими и, зачастую, весьма острыми, доходящими, как мы убедились выше, даже до убийства, были конфликты между русскими и иноземцами, вызванными разностью религии, ментальности, материальным положением и т.д. Несмотря на непростую обстановку, власти не делали никому поблажек и наказывали провинившихся по всей строгости закона Русского государства, что было справедливо как в отношении своих подданных, так и в отношении иностранцев, пребывавших на территории России.